

ваніямъ со стороны редакторскаго карандаша и красныхъ цензорскихъ чернилъ... Ничего подобнаго не зналъ Толстой, и въ этомъ отношеніи его положеніе для него было выгодноѣ, чѣмъ положеніе его критиковъ. Самую строгость цензуры къ своимъ сочиненіямъ Толстой, кажется, преувеличиваетъ. Правда, что онъ вообще—и по мыслямъ, и по изложенію—часто очень циниченъ, и показывать его публикѣ во всей его красѣ даже неприлично. Тѣмъ не менѣе извѣстно, что нѣкоторыя изъ его сочиненій, какъ, напр., „Крейцерава Соната“,—сначала ходили по рукамъ и распространялись подпольнымъ путемъ въ рукописныхъ и литографическихъ спискахъ, а потомъ появились въ печати съ разрѣшенія цензуры. Что опроверженіе его книги—„Въ чемъ моя вѣра?“ назначено было темой богословскихъ сочиненій въ академіяхъ,—это дѣло не правительства, даже не совѣта академіи, а личное дѣло—одного профессора.

Своимъ критикамъ Толстой дѣлаетъ упрекъ во 1-хъ въ томъ, что всѣ они руководствовались желаніемъ *скрыть, замолчать* то, что онъ старался высказать въ своей книгѣ; во 2-хъ въ томъ, что никто изъ нихъ не отвѣтилъ прямо на поставленные имъ вопросы: обязательно ли для христіанина ученіе нагорной проповѣди и *заповѣдь* о непротивленіи злу насиліемъ? Дѣйствительно ли Христосъ требовалъ отъ своихъ учениковъ исполненія того, чему онъ училъ въ нагорной проповѣди? ¹⁾— Но чрезъ двѣ страницы ²⁾, вступая въ явное противорѣчіе съ самимъ собою, Толстой находитъ уже, что на поставленные имъ вопросы его критиками такъ много дано отвѣтовъ, что для удобства разсмотрѣнія ихъ онъ даже вынужденъ былъ раздѣлить ихъ на *пять* группъ. По его словамъ, *одни* изъ его критиковъ смѣло утверждали, что насиліе не противорѣчитъ ученію Христа, что оно разрѣшено и даже предписано христіанамъ Ветхимъ и Новымъ Заветомъ; *другіе* думаютъ, что „хотя дѣйствительно Христосъ училъ подставлять щеку и отдавать кафтанъ и что *это зло* (?) очень высокое нравственное требованіе, но... что есть на свѣтѣ злодѣи и если не усмирять силой этихъ зло-

¹⁾ Ч. I, стр. 46.

²⁾ Ч. I, стр. 48.